

учреждений; под ред. А.Ю. Купаловой. – М., 2007.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб.заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис; под ред. Е.И.Дибровой. – М., 2006.

Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском языке. Глагольные словосочетания – М., 2001.

Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе – М., 2003.

Томашевский Б.В. Стилистика. Учебное пособие – Л., 1983.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Плехова А.А., 2014

Е.А. Селиверстова
УрГПУ, Екатеринбург

Детское словотворчество глазами ребенка

Ключевые слова: детская речь, языковое сознание ребёнка, инновации в детской речи.

*Я не люблю смотреть
передачу «Пойми меня», по-
тому что я не понимаю...*

(Тоня, 3г. 5м.)

В статье рассматриваются словообразовательные инновации в детской речи.

Детская речь – это интересно. Детская речь – это забавно. Детская речь – это мило. Для лингвиста детская речь – уникальное явление, позволяющее изучить «взаимоотношения и связи элементов языка в онтогенезе», ведь именно в детской речи «системные элементы приобретают новые оттенки значений, оказываются в новом окружении, служат для обозначения новых реалий. В полной мере сказанное относится к словообразовательным компонентам производного слова и вообще к словообразованию. Можно сказать, что словообразование – это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и ко-

торыми овладел» [Шахнарович 1991: 213]. Данное положение объясняет причину интереса многих исследователей к такому факту детской речи как словотворчество. Дети создают словотворческие инновации в ситуации, когда наименования реальных окружающего мира ими неизвестно или забыто. Например, во время игры «Спрячь картинку», ребенку было предложено посчитать жучков. Девочка (3г. 11м.) считает и называет их, каждому придумывая имя: *полосатик* (полосатый жук), *фиолетик* (фиолетовый жук), *пяточка* (пятнистый жук). В данной ситуации ребенку не предлагалось специально придумывать названия насекомым, продуцирование словообразовательных инноваций произошло спонтанно по наиболее часто используемой в детской речевой деятельности модели: образование существительных от качественных прилагательных с помощью суффикса - *ик*. Образование подобных слов происходит по той модели, которую ребенок освоил, что свидетельствует о способности детей осуществлять анализ языковых явлений. Анализ готовых языковых форм и собственно продуктивная (лингвокреативная, творческая) деятельность ребенка выступают как две стороны процесса усвоения родного языка [Гридина 2013: 53].

Рассмотрим данное положение на примерах словотворческой деятельности конкретного ребенка – девочки Тони (4 г.), дочери автора данной статьи.

Идея проведенного психолингвистического эксперимента, в основе которого лежит метод прямого толкования, описана в статье Т.А. Гридиной [Гридина 2013: 9]. Девочке предъявлялись для толкования (объяснения) словотворческие инновации, созданные ее ровесниками. В ситуации, когда слово интерпретировалось верно, девочке было предложено придумать свое собственное наименование явлению, сходному или противоположному по значению тому, которое было угадано (частичное применение метода дополнения языкового знака: завершения фразы: «Как назвать человека, который...»).

Для толкования были предложены имена прилагательные и имена существительные (примеры взяты из словаря «Говорят дети» [Цейтлин и др. 2001]). В ходе эксперимента были сделаны следующие выводы.

Значение имен прилагательных, преимущественно, раскрывалось респондентом через производный глагол: *бегливый* – «тот, кто бегают», *дерущий* – «тот, кто дерется», *кричательный* – «тот, кто кричит», что подтверждает мысль С.Н. Цейтлин: «отглагольные дериваты абсолютно преобладают среди детских словообразовательных инноваций, что объясняется прежде всего тем, что связь с действием – наиболее очевидный для ребенка признак явления, который часто оказывается положенным в основу его номинации» [Цейтлин 2009: 327]. При этом на себя обращает внимание тот факт, что данные слова не столько указывают на того, кто совершает действие, сколько имеют определенные смысловые оттенки, указывающие на склонность субъекта к совершению того или иного действия: например, суффикс *-лив*, имеет оттенок значения "склонный к тому, что названо мотивирующим словом", суффикс *-уч* - значение "характеризующийся действием, названным мотивирующим словом", часто с оттенком «склонный к действию» [Русская грамматика 1980].

Ориентация на действие как на главный признак, положенный в основу наименования, привел к неверному толкованию таких слов, как *качельный* – «тот, кто качается» (ср., в словаре С.Н. Цейтлин *качательный* – «прил. к качели; являющийся частью качелей»), *мыльный* – «кто мылом моется» (ср., в словаре С.Н. Цейтлин *мыльный* – «способный хорошо мылиться»).

Каждый ребенок по-своему постигает особенности языка, создавая свою собственную языковую систему, признаки которой можно выявить, предложив ребенку языковую игру. В данной ситуации после толкования слов, были заданы вопросы: «Как назвать человека, который молчит?». Ответ – *молчушка*. «Как назвать того, кто моется шампунем?» Ответ – *шампучка*. «Как назвать того, кто мирится?». Ответ – *мирушка*.

Вопросы были выбраны неслучайно, предполагалось, что респондент при собственном придумывании слов выйдет на словообразовательную модель, которую она «считала» при интерпретации «чужих» детских слов. Это было ошибочным предположением, девочкой была использована «собственная» модель для придумывания наименований, отсутствующих в нормативном языке: глагол + *-ушк*. Своеобразна модель образования слова «шампучка», которой сложно найти аналог в нормативном

языке, скорей всего, толчком к его образованию стала предыдущая модель, ребенок ориентировался на фонетическое копирование одного слова с другим.

На вопрос: «Как назвать человека, который прыгает?», ответом стало слово – *прыгун*, образованное по модели сущ. (прыгун) + -ок, что свидетельствует о способности ребенка выбирать разные языковые средства, выражающие его собственные представления о мире и человеке.

Значение словотворческих имен прилагательных, созданных ровесниками Тони, раскрывается девочкой точнее значений имен существительных.

Для толкования девочке были предложены следующие слова:

кучеряшки («густые локоны»), образованное по аналогии со словом *кудряшки* (кудри+*яшк* (и)), производящим словом выступает слово "кучерявый"; значение слово не раскрыто респондентом, можно предположить, что слова *кучерявый* и *кудряшки* мало известны ребенку, ответ был следующим: "подходят к слову *черепашки*", т.е. проведена аналогия по фонетическому сходству;

лечитель («врач»): «тот, кто лечит и летает», угадывание ребенком первого значения логично, в детской речи встречается и другое слово, обозначающее профессию врача - *врачитель*, данная модель считается продуктивной, второе значение - неожиданно, обнаруживает связь слов *лечить*, *летать* по сходству произношения первых звуков, которые могут восприниматься как одинаковая часть слов не только по произношению, но и по значению;

светлун («человек, дающий свет») трактовано как "человек, который быстро свет включает", данное слово относится к фактам прямого словообразования, в качестве эталона выступает модель: светлый + -ун (по аналогии бегун - тот, кто бегаёт, прыгун - тот, кто прыгает);

промазок («мазила») образовано от разговорного слова *промазать*, произнесенное во время просмотра футбольного матча; ситуации далека от жизненного опыта девочки, поэтому значение слова не разгадана, интерпретация связана с фонетическим сходством со словом *мозоль* (ответ звучал так: соединяется со словом *мозоль*).

Словотворческие инновации в речи Тони образовывались чаще всего по продуктивным моделям детской речи, описанным в работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 2009]:

- *звенелка* – «про игрушечную маленькую пони с колокольчиком на шее, которая звенит», *танцорка* – «девочка, которая любит танцевать», использована продуктивная словообразовательная модель с суффиксом –к;

- *игральщица* – «девочка - музыкант, играет на пианино», формант –*льщик* активно используется в детских новообразованиях;

- котё*нище* – большой кот.

Таким образом, толкования «детских слов», придумывание своих собственных инноваций свидетельствует о связи словотворчества с особенностями языкового сознания ребенка, основными чертами которого являются: «номинативный реализм (невосприятие условности вербального знака), мотивационная рефлексия (стремление установить объяснимую связь между свойствами объекта и его наименованием), антропоморфность («всеолицетворение»), артефактность (приписывание «живому» и «природному» свойств предметов, сделанных руками человека), эвристичность [Гридина 2013: 7].

Литература

Русская грамматика[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru>

«Говорят дети» (фрагмент Словаря детских словообразовательных инноваций) // Specimina Philologiae Slavicae. Band 132. Verlag Otto Sagner. – Munchen, 2001.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детской речи: лексикографический проект // Филологический класс –2013. - № 2.

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М., 2013.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М., 1991.

А.А. Суфиярова
УрГПУ, Екатеринбург

**Характеристика вербально-семантического уровня
языковой личности учащегося с общим недоразвитием речи**

Ключевые слова: языковая личность, общее недоразвитие речи, формирование речевой компетенции, вербально-семантический уровень языковой личности.

Проблема описания языковой личности в настоящее время является достаточно разработанной. Одним из классиков в данной области по праву считается Ю.Н. Караулов. В самом общем виде он определяет языковую личность, как личность, отраженную в языке. Им разработана трехуровневая модель языковой личности, состоящая из: вербально-семантического, когнитивного (тезаурусного) и мотивационного (прагматического) уровней [Караулов 1987]. Данная модель, на наш взгляд, универсальна, т.е. может применяться для изучения и анализа различных типов языковых личностей. Например, Е.Н. Ивановой адаптирована данная модель для описания исторической языковой личности в плане детализации параметров представления первого уровня, или собственно языкового, включающего лексикон и грамматикон личности [Иванова 2014].

Анализируемая в статье личность –ученик девятого класса средней общеобразовательной школы № 21 города Каменск-Уральский.

Учащийся растет вместе с бабушкой и дедушкой, на воспитании которых еще находится ученица начальной школы – его двоюродная сестра.

Известно, что в младенчестве ученик перенес операцию по удалению злокачественной опухоли.

В начальной школе и пятом классе воспитанием ребенка занималась мама. Об отце никто из родственников не говорит. В начальной школе учащийся посещал занятия вместе с одноклассниками и дополнительно занимался на дому с учителем. В шестом классе он отстал от программы и был переведен на до-